

Н. Н. ГЛУБОКОВСКИЙ

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОБЕТЫ И ЗАВЕТЫ

Слова, предлагаемые вниманию читателя, принадлежат перу Николая Никаноровича Глубоковского (1863—1937 гг.) и являются составной частью сборника выступлений этого замечательного русского ученого-богослова перед студентами Санкт-Петербургской духовной академии (1897—1917 гг.).

Доктор богословия Московской духовной академии, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, член-корреспондент Российской академии наук, многократный лауреат различных научных премий, Н. Н. Глубоковский пользовался безграничным уважением у своих студентов. Такое отношение к профессору было вызвано не только его блистательными заслугами перед наукой. Николай Никанорович являлся человеком широкой натуры: великий ученый, во всем, что касалось науки, взыскательный и твердый и вместе с тем искренний, добрый и снисходительный наставник в академической аудитории. Не даром уже в преклонные лета его (тогда уже профессора Софийского университета) студенты богословского факультета ласково называли старцем.

Прекрасно осознавая силу своего влияния на слушателей, Николай Никанорович иногда позволял себе делать отступления от учебной программы и посвящал лекционные часы волнующим студентов темам. Не остались без внимания Н. Н. Глубоковского ни вопросы войны и мира, так актуальные в годы конфликта с Японией и первой мировой войны, ни растущее революционное

движение в Империи и самой Духовной академии, ни реформы богословского образования.

Большая часть таких бесед была собрана и подготовлена к публикации самим автором уже после эмиграции из советской России. Работа по составлению сборника была окончена профессором в марте 1922 года в Финляндии. Озаглавив труд звучным «Академические обеты и заветы», Николай Никанорович надписывает посвящение: «На священный алтарь духовных академий Московской и Петроградской с благоговейной признательностью и молитвенными упованиями». Если вспомнить, что первая академия была закрыта властями в 1919 году, а вторая годом раньше, и представить весь тот ужас, который пережил сам Н. Н. Глубоковский с начала революции до своего чудесного спасения от рук большевиков бегством за границу, то можно понять искреннюю сердечность каждого из этих слов.

Сборник «Академические обеты и заветы» стал, таким образом, одной из первых законченных работ Николая Никаноровича в эмиграции. Как и многие другие, эта рукопись великого русского богослова так и не была опубликована. После кончины профессора, последовавшей 18 марта 1937 года, его архив, включавший в себя различные документы, переписку и рукописи, долгое время оставался в здании Богословского факультета Софийского университета. Во второй половине XX века следы архива теряются. Лишь несколько рукописей — тоненькие тетрадки, хранящиеся в библиотеке факультета и в собраниях частных лиц — все, что оставалось доступным для исследователей.

Но архив не погиб и не исчез бесследно. Последним его пристанищем в Болгарии стал дом одного любознательного и просвещенного софийского священника. Одной из первых рукописей Николая Никаноровича, обнаруженной в коллекции отца Христо, были «Академические обеты и заветы». Это произошло в 2002 году. Рукопись представляла собой несколько прошитых тетрадей в большую клетку форматом 22,5 × 18 см и содержала 256 листов. В сборник вошли 22 выступления профессора перед

студентами и большое введение, содержащее интересный автобиографический материал. После проведенной каталогизации архива она была помещена в III картон под номером 2.

Не только уникальные исторические факты и свидетельства, содержащиеся в данном труде Н. Н. Глубоковского, делают его ценным для церковной науки и самой русской богословской школы. Читая сборник, проникаешься духом эпохи Глубоковского, Лебедева, Флоренского, времени, заслуженно называемого сегодня золотым веком русского богословия. И хотя первые страницы в силу обычной для Глубоковского пространности в манере изложения даются нелегко, очень скоро начинаешь «чувствовать» текст, будто бы уже находишься в академической аудитории и внимаешь самому профессору.

Публикуемые ныне выступления Н. Н. Глубоковского можно отнести к определенному периоду в истории развития академического образования. Произнесенные соответственно в 1907 и 1909 годах, они приходятся на время бурных споров в церковно-академической среде по вопросу реформы академий. Начавшееся со студенческих беспорядков в 1905 году обсуждение проблем академического образования неожиданно привело к победе той части профессорско-преподавательского состава, которая ратовала за автономию академий от церковной власти. Определение Святейшего Синода от 26 ноября 1905 года и «Временные правила» 1906 года освобождали высшую Духовную школу от подчинения епархиальному архиерею, сводя его участие в академической жизни к «попечительному наблюдению», вводили выборное начало в академиях, существенно расширяли права академических Советов, предоставляя им право окончательного и самостоятельного утверждения ученых степеней и право решения учебных и воспитательных вопросов. Однако уже через два года синодальный курс на автономию в Духовных академиях пошел на спад. В 1908 году во всех четырех Академиях была проведена ревизия, итогом которой стала отмена в 1909 году «Временных правил».

Н. Н. Глубоковский имел прогрессивные взгляды на перспек-

тивы развития академической науки и образования. Об этом свидетельствует его переписка и публикации дореволюционного периода и большое количество ссылок на мнение профессора в публикациях и переписке его современников. Разделяя взгляды «автономистов», Николай Никанорович в своих традиционных обращениях к студентам не мог не отреагировать на отказ от начатой было в 1908—1909 годах академической реформы и последовавшее давление на академические корпорации. Этой теме он посвятил свою встречу со студентами 20 (7) сентября 1909 года, назвав свое выступление «Во имя академических заветов». Публикуя текст этого выступления, редакция руководствовалась растущим интересом к данной теме, обусловленным проводимой сегодня в Русской Православной Церкви реформой духовного образования. Другое публикуемое выступление, названное профессором «Богословие как наука», приходится на начало 1907/1908 учебного года и свидетельствует о серьезном и вдумчивом отношении Николая Никаноровича к роли и месту богословской науки в академическом курсе.

Н. Н. Глубоковский писал на левом развороте, правый разворот использовался им для примечаний, которые в настоящей публикации сделаны подстрочными. Расшифровка двух публикуемых слов осуществлена иером. Леонтием (Козловым) и М. Тихоновым (4 курс МДС), которым выражается особая благодарность.

Иеромонах Петр (Еремеев)

БОГОСЛОВИЕ КАК НАУКА¹

Во свете Твоем (Господи) узрим свет.

Опять начинается наша учебно-педагогическая череда. Отхлынувшие было молодые силы восполнены свежими заместителя-

¹ Эта лекция, подготовленная... (вечером) накануне Воздвижения — в четверг 1907, IX, 13, была сказана в понедельник 17 сентября 1907 г. студентам

ми — и снова открывается прибой богословско-научной пытли-
вости. И кому приходится стоять неподвижно среди этих стен,
тот видит пред собой как бы прилив и отлив живых волн. И вот
эта аналогия вызывает на серьезные размышления. Она пре-
жде всего говорит о гармоническом соответствии в разных частях
природы, но, не переходя в тождество, указывает и существенные
различия. А последние таковы, что механическое не равно орга-
ническому, и живое не должно быть просто копией мертвых про-
цессов безжизненной повторяемости. Значит, и у нас прилив не
может быть только восполнением происшедшей убыли, когда он
заранее осуждал бы себя, обрекая на жалкую роль пассивной фи-
гуры для оставшегося пустого места. Очевидно, требуется при-
внести нечто новое по сравнению с предшественниками, чтобы
сделать больше и лучше их и двинуть вперед общую работу. Этим
начерчивается неременная задача для наших новых членов, ко-
торые без подобных ресурсов и целей не имеют права на самое су-
ществование среди нас. Правда, без них мы и сами скоро прекра-
тили бы свое бытие, но всегда достойнее умереть идейной силой,
чем сохраняться мертвой окаменелостью, тормозящей органиче-
ский рост жизни. И, к счастью, мы сразу же находим нечто дей-
ствительно новое, доселе невиданное у нас в таком значительном
количестве. Его даст нам привхождение многочисленного эле-
мента представителей созидательного пастырского дела с опытом
своих лет (иногда совсем почтенных) и с уроками практическо-
го служения². С этими запасами они должны внести трезвость
взгляда, уравновешенность настроения, методичность напряже-
ния, — и пока уже это одно будет высоко полезным вкладом в
нашу научно-педагогическую работу. Все мы нуждаемся имен-
но в указанных факторах. Не буду напоминать особенно, какими

I (LXVIII) и II (LXVII) курсов моего XVII академического выпуска 1907—
1908 учебного года.

² Разумеется то обстоятельство, что в этом учебном году на I-й (LXVIII)
курс поступило в число студентов много священников.

гибельными результатами сопровождалось отсутствие их в процессе самой педагогической жизни, где утрата равновесия вызвала полнейшую сумятицу. Неизвестно стало, кто кого учит и чему люди учатся, раз науки усваивались не ради свойственной им истины, а последней начали принципиально «корчемствовать» в интересах целей то субъективно партийных, то прямо злостных. В нашей специальной области путаница достигала порой чуть не апогея. Достаточно отметить, что пытались иногда опрокинуть все здание богословской науки и смести самый академический фундамент. Одни твердили, что богословие христианское, естественно, подлежит ведению и компетенции всякого разумного христианина, как такового, и следовательно, не может быть «собственностью специалистов», которые и культивируют эту дисциплину в качестве особой отрасли знания. И новейшие наши церковно-политические движения свидетельствуют, что не-богословские голоса старались давать тон и получать верх в обсуждении богословских тем. Твердо и гордо звучал лозунг, что члены тела Христова все и одинаково «востязуют всяческая» (1 Кор. 2, 15)³. Если же так, то специализация неизбежно суживает и принижает предмет «общего пользования», обращая его в объект ограниченного кругозора интеллектуальной пытливости. И вот богословская наука, которая огромному множеству нашего православного общества всех градаций кажется ненужной, является теперь уже ортодоксально подозрительной и рационалистически опасной, либо прямо вредной и для высших иерархических кругов, и для разгонных газетных фельетонов⁴.

³ Имеются в виду слова 1-го Послания к коринфянам: *духовный судит о всем, а о нем судить никто не может.* — Прим. ред.

⁴ Сколько припоминаю, — в последнем случае разумеются газетные выходки (убитого <большевицкими? мерзавцами? [вытерто]> в 1918 году) известного сотрудника «Нового времени» Михаила Осиповича Меньшикова, немало злословившего о русском духов(ничестве) и богословии и по поводу столетнего юбилея Петроградской Академии (в декабре 1910 года) напечатавшего позорный фельетон «Пир во время чумы».

Во всем этом не столько научных убеждений, сколько недисциплинированных настроений, которые самим своим возобладанием неотразимо удостоверяют законность, необходимость и важность строгой богословской научности. С ними было бы легко покончить, но тут уже присяжные богословы восстают на самих себя. Они категорически выражают, что богословской науки как равноправной другим научным дисциплинам, собственно, и нет совсем. Она возможна лишь в будущем, когда всецело будет построена на революционных началах, причем христианство явится процессом постепенного развития *in indefinitum* из некоторых первичных эмбриологических зародышей! Здесь общепризнанная научность будет приобретена именно тем, что свои прежние абсолютные авторитеты теология заменит относительными эволюционными факторами⁵.

Человеку, конечно, легче иметь дело с относительным и подвластным, чем с абсолютным и повелительным; он больше тяготеет к произвольному, чем к обязательному... Значит, перестроить богословие по указанному методу было бы не трудно — с надеждой на общечеловеческий успех. Беда вся в том, что это поведет к искажению самого объекта изучения. В нем эволюционистам не нравится его абсолютность, но что же делать, если такова природа самого предмета? По крайней мере несомненно, что он рисуется в новозаветных писаниях со строго божественным достоинством и прежде всего должен быть принимаем в этом абсолютном качестве. Нам возражают, что с такими свойствами он не находит себе законного места в цели миробытия и превращается в миф, а потому для собственного самосохранения должен спуститься до уровня относительно-исторической величины. Но вовсе не верно, чтобы для христианской божественности не было исторической основы. Напротив, она есть и, утверждая самый факт, раскрывает его историческую необходимость. А последняя коренится в

⁵ См.: *Prof. Otto Pfeleiderer. Die Entwicklung des Christentums. München, 1907 S. VII.*

том, что для данной цели все исторические ресурсы оказались недостаточными и непригодными настолько, что систематическое применение привело лишь к совершеннейшему истощению. Настал такой момент, что все должно было бы погибнуть при прежних средствах, и спасение могло последовать лишь от факторов новых, т. е. вышешмирных. Этим естественно вызывалась нужда во вмешательстве высшем, или божественном, которое и оказывается натуральным в ходе исторического процесса. И апостол Павел свидетельствует (Гал. 4, 4), что Бог послал Своего божественного Сына, когда «пришла полнота времен», — или после того, как были исчерпаны все обычные способы, доступные человечеству.

В результате получается, что само относительное приобретает основу своего бытия в абсолютном, в чем каждый может убедиться личным опытом и вдумчивым наблюдением.

Но дальше подчеркивают, что само знание человеческое ограничено, а потому притязания на абсолютность изобличают их эссенциальную ненаучность. Однако здесь богословие как наука напрасно смешивается с верой, исповедующей абсолютную истину, ибо оно вовсе не претендует на абсолютную исключительность в ряду всех других научных дисциплин. Богословие только исследует абсолютный объект в исторических условиях его обнаружения и относительными силами человеческими. Понятно, что тут и успехи могут быть тоже относительными. При всем том крайне ошибочно, будто именно относительность служит мериллом научности. Совсем наоборот! Первая для людей неизбежна, но ничуть не является конечным идеалом. При эссенциальной относительности наше знание потеряло бы смысл и цену, так как оно превратится тогда в простое повторение условностей, которые не могут дать завершительного итога. Тут будет лишь бесплодное круговращение без самодовлеющей цели и увенчивающего результата, а это есть несомненная и неустраняемая смерть для всякого человеческого знания. Последнее стремится вперед и приносит все жертвы и усилия единственно для того, чтобы овла-

деть истиной, для всех бесспорной и обязательной или абсолютной по ее окончательности, не допускающей никаких недоумений и разысканий. Разумеется, наши средства для сего недостаточны, но гуманитарная наука верит в общечеловеческий разум всей мировой истории, где бесчисленные частичные приобретения, якобы, должны образовать своей совокупностью безграничную сумму, а в христианско-богословской области мы ждем решительного увенчания вовсе не от человеческой немощности. Там мы не столько познаем Бога, сколько бываем познаваемы от Него (Гал. 4, 9), ибо предмет познания доходит до нас путем откровения Абсолютного в Абсолютном или в адекватной форме, и мы готовимся к его восприятию божественным возрождением, и отсюда в нас рождается и утверждается непоколебимая уверенность, что некогда мы увидим Познаваемое лицом к лицу (1 Кор. 13, 12) со всей непосредственностью наиточнейшего созерцания. Следовательно, в <христианском богословии>⁶ абсолютные факторы обещают и обеспечивают абсолютный результат. Но и во всех других областях знания наша неизбежная относительность почерпает силу лишь в общении с абсолютным, которое окрыляет наши напряжения и озаряет светом высшего единства все относительные успехи. С этой стороны богословие, верное своему идеалу, будет наиболее совершенным знанием, если оно не забудет, что — в качестве науки — должно средствами человеческого разума стремиться к постижению объекта своей веры.

Таким служит для нас Христос-Искупитель, о Котором сообщают писания Нового Завета. Нам нужно достигнуть точного познания лица и дела Господа-Спасителя, а для сего вполне подлинным источником могут быть послания св. апостола Павла. Всем своим существом он ярко иллюстрирует обязательность абсолютного для плодотворности человеческого познания, ибо при-

⁶ Предполагаемый правильный вариант вместо авторского выражения «христианско-богословский», которое не согласуется с остальными членами предложения. — *Прим. ред.*

обрел целостное христианское ведение лишь исповеданием божественности Христа. В этом отношении эллинский благовестник есть научный богослов *κατ' ἐξοχήν* и может служить безусловно пригодным для нас авторитетом. Наряду с этим не менее бесспорно и историческое достоинство его посланий для отчетливого и объективного осведомления с жизнью Господа нашего Иисуса Христа.

ВО ИМЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЗАВЕТОВ

Мы вступаем в новый учебный год на рубеже двух столетий в жизни нашей Академии. Эта знаменательная грань остается ничем не отмеченной⁷, между тем, казалось бы, что самый простой расчет побуждал подвести итоги прошлому, дабы выяснить накопленные капиталы, с которыми приходится оперировать дальше ради духовных прибытков. А наряду с этим несомненны еще две истины, взаимно связанные между собою. Первая — та, что в духовной области нет и не должно быть перерывов в духовном возрастании. Духовный организм не менее физического требует постоянного роста, потому что лишь при нем сохраняется его здоровая жизнь. Посему даже простая остановка равняется здесь регрессивному падению, ибо предполагает замирание духовных сил и наклон их от спячки к смерти. Все это должно быть абсолютной аксиомой особенно для нас, богословов, поскольку все мы веруем, что натуральная и этическая задача всего человеческого бытия есть наисовершеннейшее уподобление Богу (Мф. 5, 48). Тут безграничность цели обязывает конечное существо к не-

⁷ Это «предварение к курсу лекций на 1909—1910 учебный год», подготовленное вечером 1909, IX, 5 (суббота), было сказано в понедельник 7 сентября 1909 г. студентам II (LXIX) курса моего XIX академического выпуска.

Празднование столетнего юбилея — по некоторым неблагоприятным влияниям — затягивалось и... состоялось почти экспромтом, так что лишь накануне проф. Н. В. Покровскому предложено было заготовить приветственную речь...

престанной работе ради ее достижения. Успех в этом направлении будет обеспечиваться постепенным нарастанием результатов, где новое увеличивает старание духовного приобретения. Тогда в данном пункте предъявляет свои грозные права вторая истина; что без прошлого не бывает настоящего, а потому не оказывается основы и для будущего. Верное всегда и везде — это правило бесспорно и для нашей академической жизни, откуда следует, что раз мы не вспоминаем нарочито своего столетия, то — значит — потеряли свои устои, духовно истощились и впали в состояние паразитического прозябания. Если это факт, — долг и честь повелевают нам сойти со сцены и уступить место другим деятелям, которые будут приносить Господину жатвы (Мф. 9, 38) достойные плоды во времена свои (Мф. 21, 41)...

Как видите, мы стоим пред роковым решением академической судьбы вообще, — и для нас пока не находится ни оправдания, ни пощады. Грозный приговор является не простым теоретическим выводом «печальников» и «соглядатаев» Академий, но применен на практике с неотразимою осязательностью. Пострадали лица⁸, и о каждом из них может быть особая речь, но в них и вместе с ними сурово осуждаются принципы академического бытия. Жалко пострадавших, но не забудем и того, что мы сами остаемся печальными сателлитами при пострадавшей, обличенной и осужденной [Академии]. Тяжело наше положение и высоко ответственна роль пред историей в этот роковой момент. Мы с вами являемся обломками побитого академического корабля, носимого капризными волнами к неизвестным пока берегам. Прежние пристани ограждены устрашающими минами, а новые не обрисовываются в точных очертаниях. Со всех сторон — либо беда, либо опасность. По-видимому, теперь единственный исход — спус-

⁸ Разумеется тот факт, что по Синодальной ревизии архиепископа Херсонского Димитрия (Ковальницкого) принуждены были выйти из состава академических преподавателей профессора Николай Константинович Никольский, Владимир Николаевич Бенешевич, Дмитрий Иванович Абрамович.

стить наш старый, изорванный бурями научно-академический флаг и сдаться окончательно и безусловно. Легко понять, однако, что это малодушное решение было бы гибельно не только для нас, но и для самого академического дела. Тогда получилось бы, что мы были частью плохими моряками, частью изменниками своему призванию, а этим стали бы доказывать, что — по нашей вине — прошлое достигло крайнего упадка и не может служить даже положительной точкой отправления для дальнейшего развития. Мы констатировали бы разрыв в нашем органическом развитии, причем всякое новшество приобретает только тяжелой операцией, после которой никогда не бывает прежней здоровой целостности. В самом удачном случае будет лишь приблизительное восстановление, а оно едва способно охранять себя и всего менее может быть источником светлой и живоносной будущности. Не хочу быть дурным пророком, ничего не предвосхищаю и не осуждаю заранее, ибо говорю только в принципиальном смысле. Реформа, слишком хулящая все прежнее и предающая его огульному <...>⁹, сама грозит превратиться в ухудшенную копию чего-либо старого, давно похороненного и забытого, или удариться в субъективную пристрастную крайность. При подобном положении этот уклон, по моему мнению, логически неизбежен и — думаю — для всех нас одинаково нежелателен. В свою очередь предпосылкою к сему служат наши недостатки, ради которых опорочивается бывшая академическая система. Теперь на нас лежит великий долг перед будущим — доказать не «словом, ниже языком, но делом и истиною» (1 Ин. 3, 18), что недостатки, бывшие нашими личными слабостями, не относятся к существу нашего академического служения, которое имеет достаточно здоровых сил, чистых идеалов, горячих порывов, этических влечений. Есть еще время засвидетельствовать фактами наших совместных успехов, что прошлое, нуждаясь в обновлениях и улучшениях, достойно поддержки и продолжения. При этом и раз-

⁹ Слово написано неразборчиво. — Прим. ред.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОБЕТЫ И ЗАВЕТЫ

умная реформа станет живительным стимулом органического возрастания академической жизни. Мы сами много виновны, что дали повод к предположениям об академической спячке, почти не обещающей пробуждения. Естественно, что теперь наша неотложная обязанность — устранить возможные опасности не раздражающими протестами и гибельными бойкотами, а неоспоримым голосом важности и спасительности правильного применения исконных академических заветов. Здесь мы, приобретая свой личный плод, будем трудиться не для себя только, но ради великого и святого академического дела. Это должно возобновлять нас самоотверженной энергией в ограждении своей интенсивной работой богословского знания, которое направлено к усвоению и изъяснению божественной истины.

С этими ободряющими надеждами будем усердно трудиться так, чтобы временная печаль наша претворилась в светлую историческую радость (Ин. 16, 20), чтобы наше прошлое сохранило сию нить, а ближайшее будущее принесло славу академическим святилищам как истинным училищам высшего ведения. Пусть нашим руководством служит напоминание Господа Спасителя (Мф. 13, 52): «Всякий книжник, наученный царству небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое». Академическое служение есть «дело веры и труд любви и терпение упования» (1 Фес. 1, 3) и может созидаться только самоотверженными занятиями во имя академических заветов.